

(Продолжение. Начало в № 2-3)

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ДВА ДНЯ НАЗАД

Погони за своей спиной он больше не чувствовал. Да и была ли она вообще, не пригрезилась ли в разгоряченной и поплывшей от самогона голове? Велемир добрал по вязкому песку до пляжной отмели. Здесь он когда-то загорал с Леной, они кормили хлебными крошками мальков, купались. Но уже тогда на берегу было очень много снулой рыбы. Волга умирает, и все, что в ее водах, тоже.

Подумав, Велемир стал раздеваться. Альма присела рядышком, с любопытством наблюдая за ним: что еще выкинет? Уж не топиться ли собрался? Если так, то это надо делать подальше, у валунов, где и глубже, и течение покруче. Там, знала собака, и муж Лены с кладбища утоп.

Велемир сбросил с себя все, кроме трусов. Потом, поглядев вокруг, снял и их тоже. Утренняя свежесть и ветерок с реки приятно охладили вспотевшее тело. Сложив всю одежду на округлый камень, он пошел в воду. Почти по ней, как блаженный Симон Юрьевецкий. Но здесь было совсем мелко, по щиколотку. Да святого бы из него и не вышло. Рано еще.

Пройдя несколько метров, Велемир попробовал окунуться, но в воде стало настолько холодно, что защемило сердце, и он поспешил выскочить обратно на берег. Альма словно ждала этого, сразу затявкала, будто поздравляла с возвращением к жизни. А он

вдруг представил себе, как плывет по течению реки, раздувшийся, словно бревно, с уставившимися в синее небо мертвыми глазами. Картина была столь отвратительной, что он чертыхнулся, а потом еще и наступил босой ступней на бутылочный осколок.

— Вот сволочи! — совсем разъярился он. — Где пьют, там и гадят.

Допрыгав на одной ноге до камня, Велемир попытался в позе «мальчика, вынимающего занозу» высосать из ранки кровь. Когда с этими манипуляциями было покончено, он принял другую скульптурную композицию — роденовского мыслителя. Голый человек, подперев скулу кулаком, сидел на берегу реки и глядел на текущие воды. О чем он думал? О Лене, конечно. И теперь, казалось, и вовсе окаменел. А собака легла рядом, у его ног.

Размышления Велемира прервало появление длинного, жилистого, загорелого до черноты человека в плавках и с вафельным полотенцем на плече. Ступал он бесшумно, был похож на скрученный темный провод, а рыжая голова отливала золотом, как клемма.

«Наверное, это и есть здешний знаменитый электрик с насосной станции», — догадался Велемир. Просто никто иной такую «электрическую» внешность иметь не мог. «Ему бы еще два светящихся миньона вместо яиц».

— Доброе утро! — приветливо сказал мужчина, мимоходом взглянув на «мыслителя».

— И вам не хворать, — отозвался Велемир, натягивая трусы.

Электрик между тем, напротив, плавки сбросил

и с разбегу кинулся в воду. И, самое удивительное, — поплыл! Видно, знал тут какое-то глубокое место, где можно было не опасаться зацепиться брюхом за дно. Велемир с любопытством наблюдал за его фырканием. «Как же его величали, там, в гостинице?» — вспоминал он. Добравшись до бакена, мужчина повернул обратно. Вылез на берег и начал тотчас же растираться, поминутно отплевываясь.

— Погода-то, погода какая, а? — радостно сообщил он.

— А какая? — спросил Велемир.

— Ну-у... Это вам не вчера.

— А вчера - что?

— Не то.

— Вот и я так думаю, — согласился Велемир. — А завтра?

— Тоже, — уверенно ответил мужчина.

— Интересный вы человек, Максим Иванович, глубоко роете.

— Вы меня знаете?

— Наслышан. А я вот Велемир Радомирович.

— И я о вас в курсе, — явно соврал электрик, из вежливости, а может быть, и вправду знал что-то. — Рад познакомиться.

И он тут же приступил к физическим упражнениям. Стал выбрасывать в стороны длинные руки, сгибаться пополам, приседать и подпрыгивать. Альма смотрела на него с беспокойным интересом: с ума сошел, что ли? Ведь лежать или сидеть гораздо удобнее и приятнее. Но, очевидно, для электрика это были ежедневные процедуры. «Человек, так энергично заботящийся о своем здоровье, долго не проживет», — подумалось Велемиру. Любые лишние перемещения тела в пространстве укорачивают отпущенное этому телу время. Износ металла, закон физики.

— На завтрак мы что едим? — зачем-то спросил он.

— Овсянка, яйцо всмятку, стакан молока, — охотно отрапортовал Максим Иванович. — Самая полезная пища. И, разумеется, без соли. А хлеб лучше всего слегка поджарить. И без масла.

— Так я и думал, — кивнул Велемир. — Курение?

— Ну что вы! Яд.

— Тогда об алкоголе и не спрашиваю.

— Нет, выпить немного можно. Но исключительно хорошего виноградного вина.

Электрик стал отжиматься на песке.

— Секс? — продолжил допрос Велемир.

— Обязательно. Три раза в неделю, — его, казалось, не смущали подобные вопросы, он словно бы интервью давал заезжему журналисту.

— Почему не четыре?

— Совесть не позволяет, — изменяя своим шаблонным фразам, ответил физкультурник.

Велемир не стал допытываться: ну не позволяет, так не позволяет, может, чрезмерно совестливый человек, электрики все такие, под напряжением работают.

— А вы, значит, приезжий? — теперь сам Максим Иванович задал наводящий вопрос.

— Забрeдший, — ответил Велемир и добавил, поправив: — Заблудший.

— Бывает. А к кому?

— Пока еще точно не знаю. Не решил. Время покажет.

— Это вы верно заметили. Ну, когда покажет, тогда меня кликните, я приду, сниму показания со счетчика.

«Эге! А он тоже далеко не так прост, как и все тут. Здесь дураков нет, — подумал Велемир. — А чего ты ждал? Приехал сюзерен к своим вассалам? Загордились там, в своих столицах...»

— Обязательно кликну.

Электрик стал глубоко вдыхать и выдыхать воздух, вентилируя легкие. Затем начался бег на месте. Потом опять дыхательная гимнастика.

— А Ирина, часом, не к вам приехала? — спросил Велемир в лоб, пока тот не успел отдышаться.

— Вы и о ней знаете? Ко мне, к кому же еще.

Максима Ивановича, казалось, ничто взять не могло. Никакие допросы с пристрастием или подковырки. Он протянул Велемиру руку и сказал на прощанье:

— Все, ушел. Режим, работа. Вы заходите сегодня вечером. Поужинаем, поболтаем.

– Спасибо, непременно, – ответил московский гость, уже не уверенный здесь ни в чем.

Сам он тоже поднялся с камня, облачился в свою одежду и в сопровождении юрьевецкой волчицы побрел наугад, куда глаза глядят. Альма будто обрела в нем хозяина. Может, чувствовала что-то близкое, родное. Ведь она потеряла своих детей, а он – жену. И никого уже не вернешь. Но собака не фамиллярничала, деликатно держалась чуть позади, не лезла со своими песьими повадками на брудершафт. Хотя и хотелось.

Они поднялись на косогор, прошлись вдоль ветхого деревянного заборчика, спустились по крутой улице вниз, а потом вновь начался подъем, едва ли не под прямым углом к небу. «Просто какое-то хождение для мытарей», – подумалось Велемиру. Холмистая местность. И как здесь люди живут? «А вот так и живут, – ответил он сам себе, – в трудах и тяжбах».

А на вершине пирамидальной горы стояла церковь. С какими-то хозяйственными пристройками. Судя по всему, храм был древний, века семнадцатого. Стены выбеленные, с синевой, купол сияет. А вот тяжелая массивная дверь открывалась плохо, него-степриимно. Не всякой старушке под силу. Путь к Богу не прост.

Велемир сначала даже подумал, что ворота заперты. Раз подергал, другой, а на третий все-таки с трудом, но отворил. Перекрестившись, вошел внутрь. Свет чуть падал из верхних оконцев, ни одной свечи не горело, но храм не был пуст. Да это и понятно. Даже если бы никого не было. А тут сразу два человека сидели на скамеечке у правого придела и тихо разговаривали. Солнечный луч как раз лежал у их ног. Один был стар, сед и длиннобород, другой – молодец, модно стрижен и даже молодецват. Этот и бросил раздраженно в сторону Велемира:

– Закрты еще! – словно тот вошел в продовольственный магазин за водкой. В неурочное время.

Велемир повернулся, чтобы уйти, поскольку «покупать» после такого приветливого приема ничего не собирался.

– Да пусть, – остановил его другой голос, мягкий, принадлежавший старику-патриарху, – пусть помолится.

– Спасибо, батюшка, – поблагодарил его Велемир.

– Батюшка здесь – я! – еще более раздраженно откликнулся модник. Ранний прихожанин явно вызывал у него какую-то неприязнь.

– А я всего лишь мирянин, – улыбнулся старик. Волосы его ниспадали до плеч, были такие же серебристые, как и борода. Оба человека были в гражданской одежде, поэтому сразу и не разберешь. Но молодой никак не походил на священника, наверное, только что из семинарии. И говорил резко, и смотрел косо. Вот и сейчас сердито добавил:

– Службы сегодня не будет. Молитесь поскорее да уходите.

Как будто Велемир где-то перешел ему дорогу, или втайне намеревался занять его место в приходе. Даже прошла охота приложиться к иконам, разглядеть помещенные на стенах образа. Отворить душу после вчерашнего бультерьеро и покаяться. Украсть он сюда пришел, что ли?

– В такой спешке я молиться наотрез отказываюсь, – заявил Велемир.

– Ваше дело, – усмехнулся иерей. – Вам и отвечать.

И опять сказано было грубовато, с нажимом каким-то, дескать, чего тогда приперся-то? Вали отсюда. Но тут в дело вмешался благообразный старичок, действительно очень похожий на ветхозаветного пророка:

– Если бы не пришел и не говорил им, если бы не сотворил между ними дел, каких никто другой не делал, то не имели бы греха, а теперь и видели, и не имеют извинения, и как убегут от осуждения, как?..

– Чего? – спросили они оба одновременно, несколько растерявшись.

А старец, вроде бы даже подхихикнув, пояснил:

– Это из Библии. О свободе воли. Господу не нужны послушные заводные игрушки, пусть и любящие его. Любовь не может быть по принуждению. Но почему тогда познание добра и зла, а оно априори

при греховно, неразрывно связано со свободой воли?

Молодой поп и Велемир молчали, словно нерадивые ученики на уроке пения. Скорее от неожиданного напора старца, чем от собственной бестолковости. А священнослужитель вообще уж наверняка должен был бы давно привыкнуть к манерам своего «мирянина».

— И что? — еще строже повторил юрьевецкий пророк. — И где теперь эта истинная любовь вместе со свободой воли? Вот и спрашиваю вас: как убежите от осуждения, когда посылают к вам пророков и мудрецов, а вы их гоните из города в город и убиваете в храмах и синагогах, в мечетях и молебных домах, прямо на жертвенниках. О, Иерусалим! — возвысил он голос. — О, тайна беззакония твоя! Отец лжи всюду. И как? И как, спрашиваю я? Отвечать!

Велемир достал из кармана платок, вытер вспотевший лоб (хотя в церкви было довольно прохладно) и тихо спросил у священника:

— Он что, сумасшедший?

— Сам ты это слово, — отозвался тот.

Велемир вновь не понимал, что происходит, где он находится и куда вообще попал? Повторение вчерашней фантазмагии. Только на ином уровне. Молодой поп робко молчит и слушает словесные кривляния этого местного юридического. А тот наслаждается словом. Языкастый дедушка. Кто из них тут благочинный? «И зачем мне весь этот «односторонний диспут»? Старик-то даже поболтливей меня будет. Тоже с нейролингвистическими способностями, не иначе», — раздумывал Велемир.

— О, сыновья и дочери земные, порождения ехидны, псы и волчицы поганые, захлебнувшиеся собственной блевотой! Пошто сало жрете? Племя крысиное, слуги бесовские, наложницы сатаны!.. — завыл тут блаженный.

Велемир, не слушая его больше, подумал: «Чего он пургу какую-то гонит?» Старик сейчас нравился ему еще меньше, чем поп, который как-то плотоядно улыбался, словно сосал ириску. Он был слишком уж краснощеким и здоровым, прямо кровь с моло-

ком, бабы таких любят. Наверняка, своей попадьей изменяет налево и направо. Тот еще кобель в рясе.

А слова приволжского новоявленного расстриги Илиодора летали вокруг них, как тополиный пух, назойливо забиваясь в нос и уши. Когда старик на минутку прервался, Велемир задал попу давно томивший его вопрос:

— А это не к тебе Ирина приехала?

— Какая еще Ирина? — поморщился иерей.

— Тебе, отец, лучше знать.

— Не ведаю я никакой Ирины.

— Уж будто. А если подумаем? — откуда-то у него вдруг появилась ухватка прожженного следака. — Все уже в городе ведают, а ты — нет. Брось. Зачем запыряться? Не надо. И попадьей уже в курсе дел. А ты все в несознанке.

— Да я... — начал было оправдываться поп, совершенно обескуражившись, но тут его прервал библейский патриарх, ласково так сообщив:

— Это — ко мне. Ирина то есть. Разрешите представиться: Ферапонтов, директор средней школы. Матвей Яковлевич. По совместительству — учитель истории, русского языка, литературы, физики, географии и математики. Словом, всего на свете. Еще и сплясать могу. Хотите?

— Нет, не хочу!

— А вас как?

— Никак, — зачем-то огрызнулся Велемир, но тотчас поправился, поскольку стал видеть в директоре объект для исследования: — Радомир Велемирович, вот как. Можно и наоборот.

Он вспомнил то, зачем приехал в Юрьевец. Да ведь к этому Ферапонтову же! К этому вот артефакту. К нему и дали рекомендации из Москвы по поводу праязыка.

— Я наоборот буду, если не возражаете.

— Да как угодно. Имя — не клеймо на лбу. Стереть — что плюнуть. А можно с вами поговорить наедине? По сугубо важному делу.

— Можно, — охотно кивнул старик и поглядел на часы. — Только сейчас я в школу, она рядышком, а

после уроков — милости просим. Часикам к двенадцати.

— Ночи? — почему-то решил Велемир.

Директор, учитель, пророк и артефакт в одном флаконе засмеялся.

— В полдень, юноша, в полдень, — сказал он и, кивнув священнику, засеменил к выходу.

— Да юноше-то уже сорок пять будет, — бросил ему вдогонку Велемир.

— А это не важно, — ответил за Феропонтова поп. — Он всех принимает. Вы и ко мне заходите.

— Зайду-с. Время выпадет.

И Велемир, перекрестившись, также не стал здесь больше задерживаться, провожаемый недружелюбным взглядом. Но на выходе из храма солнце встретило его радостным сияющим светом. И на душе как-то полегчало. Все хорошо, жизнь прекрасна. Надо только в ней разобраться. И он решил догнать Феропонтова, но того и след простыл. Шустрый оказался старичок. Будто растворился в воздухе. Да и школы никакой поблизости не было видно.

«Ладно, — подумал он. — Найду. Коли назначено в двенадцать, в полдень и явлюсь, как тень отца Гамлета. Не отвертится!» Потом Велемир вспомнил, что сегодня, кажется, второе июля, воскресенье, да и вообще лето. Какие, к черту, уроки? Каникулы же. Чего он там преподает и кому? Крысину азбуку мышам? Велемир посмотрел на Альму, но та не ответила, виновато вильнув хвостом.

Зато он опять услышал какой-то противный, ржавый скрип инвалидной коляски. Собственно, этот звук преследовал его всю дорогу — от берега Волги до церкви, мерещился на каждом углу. Потому-то он и нырнул в храм. Теперь вот снова. Самой коляски не было видно, а смычком по «скрипке», как плохой и даже отвратительный музыкант, кто-то периодически водил.

«Выслеживают! — решил Велемир. — Надо уходить в баню». Почему именно в баню, он не знал, но чувствовал, что это самое верное средство от преследования. А впрочем, даже логично: среди голых тел и затеряться легче. К тому же все равно нужно было

смыть липкий ночной пот. Уж если не удалось полноценно окунуться в великую русскую реку, то хоть поплещется в шайке. А вот почему его продолжает преследовать другая «шайка» — на этот вопрос у Велемира ответа не было.

Первым делом он проверил в карманах наличные. Основная сумма у него была припрятана в бритвенном приборе, но тот остался в гостиничном номере. Не возвращаться же себе «на погибель»? Но несколько сотен рублей все же набралось. Хватит и на баню, и на колбасу. Только сейчас он вдруг почувствовал зверский аппетит. Даже засосало в желудке, словно там включился пылесос вместе с полотером. Велемир подхватил с земли корявую палку — так, на всякий случай, и зашагал вниз по склону. Где-то тут должен был быть продуктовый магазин...

Он нашел его через несколько кварталов. Редкие прохожие с провинциальной приветливостью улыбались ему, а на душе у Велемира становилось все спокойнее и даже веселее. Если бы не этот проклятый скрип колеса, который постоянно настораживал и заставлял крепче сжимать в руке осиновый кол. А так городок вполне милый и гостеприимный. Вот тут надо было Олимпийские игры проводить, вместо Сочей всяких. Где они благополучно и провалились. Или, на худой конец, Паралимпиаду. Для местных жителей. Муж Кати — первый претендент на золото.

Выбеленный лабаз с кривой вывеской носил малопонятное название — «Дары Хилендара», но ниже были нарисованы кочан капусты, яблоко и селедка. Велемир резво вошел внутрь и, не снижая скорости, спросил у темнокожего носатого продавца, то ли армянина, то ли грека:

— Сосиски есть?

— Есть, есть, — ответил тот и в свою очередь поинтересовался: — А дрын зачем?

Велемир оперся на свою палицу и задал новый вопрос:

— Хилендар — это в Турции?

— Афон, — обиделся продавец. — У нас всё продукты монастырские, с грядок.

— Селедка тоже?

— Даже хлэб ручного замэса, — кивнул носатый. Он был в белом фартуке, но с какими-то грязными красноватыми разводами. Мясо в подсобке рубил, что ли?

— Взвесьте полкило, — сказал Велемир, присматриваясь к товарам.

— Чэго?

— Докторской.

Продавец сноровисто махнул тесаком по батону колбасы, бросил половинку на весы.

— Исключительная точность, — похвалил Велемир. — В снайперских ротах не служили? Дырки в головах врагов не делали?

— Могу предложить свэжую брынзу, — отозвался грекоармянин. — Будэтэ?

— Буду. Двести граммов. И бородинского.

— Пыво? — угадал тайное желание Велемира продавец.

— Три бутылки. Самого дешевого. Одну открыть. Все остальное сложить в пакет. И медленно передать мне. Вторую руку держать на виду.

На его придурливость лабазник перестал обращать внимание. А может, не все понимал по-русски. Он выполнил указания покупателя и назвал цену.

— Когда у вас баня открывается? — спросил Велемир, расплачиваясь.

— В восем. Ужэ работаыт. Што ыщо?

— Ышо вот что. Женщину тут одну не видели? Приезжая. Светловолосая. Симпатичная такая. С родинкой на щеке. Зовут Ирина. И, часом, не к тебе ли она и приехала?

— Зачэм ко мнэ? У мэня жэна, дэти. Она к учытэлю. Вмэсте вчэра прыходьыли. Балык взяли, шампанско. А што? Ыщите?

— Ыщу, родненький, ыщу.

Велемир вышел из магазина, сел на скамеечку возле лабаза и начал рассуждать. Попутно откусывал колбасу и делился ею с Альмой. Насчет родинки он задал армянину вопрос наугад, но судя по всему

попал в точку. У обеих сестер были одинаковые родинки. В одном и том же месте, на левой щеке, где ямочка. Наследственность.

Конечно, это невероятно, чтобы Ирина из Германии приехала сюда, но чем черт не шутит! А если... действительно сюда, в Юрьевец, то что же получается? Проведать могилу Лены? Бред какой-то. Она ведь покоится под многометровой толщей ледника Колка в Кармадонском ущелье. Сумела выбраться? Проще сразу сойти с ума, чем думать об этом.

Когда он познакомился с Леной в 1992 году, Ирина уже готовилась к эмиграции, выйдя замуж за какого-то саратовского немца. Штампа, кажется. Так его звали. Или как-то иначе, сейчас трудно вспомнить. Он ведь ее плохо знал. Но на его свадьбе с Леной она вместе со своим «Штампом в паспорте» была. Потом в девяностые еще несколько раз приезжала к ним в Москву в гости. А вот они к ней в Дойчланд так и не удосужились. Но, скорее всего, он идет по ложному следу. Искать надо в другом месте. И кого искать-то? Он даже не заметил, что разговаривает вслух.

— А теперь — в баню! — как полководец перед решающим штурмом скомандовал он Альме. И, подобно Ганнибалу с его любимым слоном, они выступили в поход на Рим, оставив место временной стоянки.

Билет в баню стоил двадцать копеек. Велемир сначала заплатил, а потом недоуменно вернулся к окошечку.

— Как двадцать? Вы чего тут?..

— А это только сегодня, — ответила кассирша, настоящая кустодиевская красавица? — по случаю дня рождения Митрофана Васильевича. Возврат в прошлое, так сказать.

— Кто таков? — смягчившись, спросил Велемир. Ему идея Митрофана Васильевича пришлась по душе.

— Банщик наш. Главный. Он там сам сейчас всех и парит.

— Ну дайте тогда еще и мочалку, что ли... А может, по поводу его именин и бабы вместе с мужиками моются?

– Нет, этого нет. Этого и при советской власти не было.

– Много вы знаете! А пиво тоже по старой цене?

– Пива вообще нет. Все с собой приносят.

– Действительно, все как в прежние времена, – кивнул Велемир. Его это еще больше порадовало. А также то, что он предусмотрительно купил три бутылки. Жалко только, что не было с собой бритвенного прибора.

– Там поброют, – угадала его желание привратница.

Из парилки доносились какие-то крики. Слово там была и не парная вовсе, а один из подвалов Гестапо. Или, что еще хуже, первый круг ада. Сжавшись, Велемир приоткрыл дубовую дверь и шагнул в самое пекло. В клубах пара и полумраке он едва различил лешенки полка и разнокалиберных мужиков: кто сидел, кто лежал, кто стоял, но говорили практически все вместе. А один, растянувшийся на самом верху, – орал. Потому что его охаживало сразу двумя венниками волосатое и кряжистое идолище, похожее на корягу или корень дуба.

– Этого сюда! – прокричал главный банщик, сталкивая пыгаемого вниз.

Велемир не сразу сообразил, что имеют в виду именно его. Каким-то образом, очевидно, с помощью чужих рук, он очутился на верхней полке, прижатый к ней мощным коленом. Сначала палач-именинник стал долбить его по позвоночнику кулаком и пересчитывать ребра, потом вообще уселся на поясницу и принялся выворачивать шею. Внутри у Велемира все хрустело и ломалось, а сам он скрежетал зубами и стонал, но вот в какой-то миг наступило и облегчение.

– Следующий! – проорал Митрофан Васильевич и спихнул его с полки.

Велемир вприпрыжку побежал под душ, и на этот раз ледяная вода показалась ему благом. Источником жизни. Такого внутреннего очищения и нахлынувшей вдруг радости он уже давно не испытывал. Какие там ванны в Москве! Ай да Митрофан Васи-

льевич, ай да сукин сын!.. Жаль, забыл спросить, не к нему ли Ирина приехала? Вот это была бы парочка.

Омывшись, Велемир возвратился на свое местечко, где завернулся в прикупленную заранее простыню. Вальяжно вытянул ноги и закрыл глаза. Чудесное тепло разливалось по всему телу, словно он выпил амброзии. Но и пиво было ничуть не хуже. Небольшими глотками он осушил одну бутылку, а со второй решил подождать. Сквозь приятную дрему Велемир невольно начал прислушиваться к разговору сидящих неподалеку мужиков.

Их было двое. Ничего такого особенно выдающегося, голые как голые, они все одинаковые. С прилипшими к телу березовыми листочками. А разговаривали полупшепотом. Хотя в каменной «мыловарне» каждое их слово отдавалось гулом. Как в филармонии. Бу-бу-бу-бу. Но слышалось что-то знакомое.

– Я ведь ему говорю ясно: бери по четыре, а он – по два. Магометка проклятый. Помидоры-то ждать не могут, потекут.

– Знамо дело, испортятся. Потом и за два не возьмет. Только по полтора. У меня тож вся машина ими забита. А куда девать? А полицаи за них.

– И гауляйтер. И наместник Кремля, только своим в доску прикидывается. А сам за зверей стоит. По два! Ишь чего захотели! Да я удавлюсь скорее.

– И удавишься. Все мы скоро сами собой удавимся. От такой жизни.

Велемир смекнул, что это те самые, транзитные, из Чебоксар. Только среди голых тел никто никого, конечно же, не узнавал. Да и пьяные вчера все были в полный дребадан. Кто кого запомнит? Но на всякий случай Велемир пересел от транзитных подальше. Тут, среди трех мужиков, тоже шел интересный и продуктивный разговор.

– Куры несутся как очумелые, – гудел один из них. – Просто ничего не могу понять, никогда такого не было. И ведь главное – петуха-то нет, зарезали еще в прошлом годе. А как вышло? Люба моя помирать собралась, грит, хочу супчика из петушиных потрошков напоследок, ну я и тюкнул топором.

– Кого? Ее, что ли?

– Зачем ее? Она оклемалась. А петушка-то я уже тюкнул. А куры уже год как несутся и несутся. Со скоростью пять яиц в ночь. Без петуха. И яйца все какие-то в крапинку, как перепелиные.

– Слышь, а ты часом сам по ночам в курятник не бегаешь?

Раздался хохот. Потом один из них произнес:

– Это знак. Так, сказывают, перед большими бедствиями бывает. А еще белая вдова ходит. Сейчас ее тоже видели.

– Брось заливать-то.

– Не, ходит.

– Та, что ли, старуха с кладбища?

Вот на этих-то словах о кладбище Велемир и на-вострил ушки.

– Она и по городу ночью бродить стала, – продолжил один из мужиков. – Иной раз и в окна постукивает. Будто зовет куда-то кого-то. Покойного мужа, что ли? Ну, того, который утоп.

– Да она сама покойница, – возразили ему. – Смотреть на эту смерть страшно.

– Не, знаки подает. Чтоб готовились. Чтоб не проспали.

– А чего? Царствия Небесного, что ли?

– А я знаю? Событие какое-то. Может, землетрясение. Или пожар. Мало ли чего. Так тебе сразу и ответят. Вот когда случится, тогда и узнаешь.

– Это верно, – согласились с ним.

– Вот и куры тоже. Главное дело – без петуха. И в крапинку.

– И комету вчера видели над Юрьевцем. Летела прямо на нас. Чуток не долетела, метров пятьсот, а то бы... Как в Челябинске. Потом стекла вставляй.

– Кабы только стекла. Гробами запастись надо, вот что я вам скажу.

Морда одного из мужиков показалась Велемиру знакомой. Больно на брата-эпилептика смахивал. Впрочем, вчера было темно в глазах, не разглядеть. Но теперь этот мужик и сам смотрел на Велемира пристально, припоминая что-то. Пришлось в ответ

кисло ухмыльнуться. А тот вдруг, обращаясь к нему, спросил, словно у третейского судьи:

– А вот вы лично, что думаете по этому поводу?

Пришлось отвечать.

– Я лично по этому поводу ничего не думаю и думать не намерен. Мне сильно много думать врачи за-прещают, особенно по поводам и без поводов. А вот сколько у вас за бритье берут? Тоже копеек двадцать или по валютному курсу?

– Нет, двадцать только сегодня, а у парикмахера день рождения через неделю. Вот тогда и приходите, – пояснил один из мужиков, наиболее симпатичный из всех, поинтеллигентней.

– Мне ждть некогда. Тем более что тут кометы всякие с курами летают. А у меня свиданка. И со щетиной идти к даме ну просто никак нельзя.

– Уж не к белой вдове ли намылились? – спросил тот, кто походил на брата-эпилептика.

– Намылиться я еще всегда успею, но только после третьей ходки в парную. А вот вам, товарищи, стыдно тут всякую мистику под ногами разводить! – и Велемир укоризненно указал на пол, словно именно там «мистика» по обыкновению и разводится. Правда, под скамьей действительно были лужицы от мокрых ног. Но он повторил: – Стыдно.

Хотя стыдить голому голого глупо. Это все равно, что дуть на одуванчик против ветра: толку-то?

– Черемисинов, – представился самый интеллигентный, симпатичный, приподняв тощий зад, даже одной рукой до плешки дотронулся, будто был в шляпе и хотел ей снять. – Местный предприниматель. Мелкий.

– Тоже, – охотно ответил Велемир, причем сделал ударение на втором слоге. Прозвучало это как какая-то зарубежная фамилия Тождэ.

Остальные банные сокамерники знакомиться не желали.

– Товарищ Тождэ из Испании? – полюбопытствовал Черемисинов. – Идите спокойно брейтесь, камрад, я пригляжу за вашим бельишком.

– Спасибо, это по-партийному, – пожал ему руку

Велемир и, плотнее завернувшись в простыню, торжественно зашлепал в цирюльню, откуда доносился лязг ножниц. Брюки, впрочем, он на всякий случай прихватил с собой.

Вернувшись уже без щетины, но с двумя порезами — на щеке и подбородке, он тотчас приступил к той теме, которая терзала его во время бритья. Хотя трое голых разговаривали теперь совершенно о другом.

— Явление комет на Руси накануне моровой язвы, голода или нашествия татар — дело обыкновенное, — вклинившись, начал Велемир, — а вот с вашей «белой вдовой» еще предстоит разобраться. Я, собственно, за тем и приехал. Чтобы вывести мошенницу на чистую воду. Так вы говорите, она на кладбище обитает?

Голые озабоченно переглянулись. Ответил Велемир Черемисинов:

— Вообще-то, тут как бы две «белые вдовы». Одна история тянется давно, а другая — недавно. Вам какую надо? — он словно рыбу предлагал на базаре: вот эта посвежее будет, но дороже, а ту, вяленую, отдам за десятку.

— Давайте пока ту, которая короче, — выбрал Велемир.

— Извольте. Да тут, собственно, и говорить нечего. Живет там, в сторожке, одна женщина. Откуда взялась, неведомо. Более десяти лет назад. Зимой и летом в одном рваном платье ходит. Действительно белом. Ну сером уже, грязном. С ней никто и не общается. Говорят, ведьма. Да и она сама носа с кладбища не кажет. Чем питается, неизвестно. Наверно, тем, что на могилах оставляют. Или... даже сказать страшно. Я раз столкнулся с ней. Шел покойного тества проведать, так чуть в штаны не наложил от испуга, она откуда-то из-за крестов выползла. Так рядом с любимым тестем бы и улегся. Жуть могильная.

— Одежды у нее белые потому, — добавил второй мужик, — что покойников-то в белые рубахи одевают. Материала много. А насчет еды... Тут действительно страшно и подумать. Ее все боятся.

— Ферапонтов вон не боится.

«Опять этот Ферапонтов, — подумал Велемир. — Вот где ключик-то».

А вслух спросил:

— А вторая история?

Вновь стал отвечать Черемисинов:

— Для этого вам, товарищ Тождэ, надо бы сходить в наш краеведческий музей. Есть там одна редкая книжка, называется «Мифы и легенды древнего Юрьевца», написал ее некий Трапезонтский, литератор московский, был тут лет пятнадцать назад, все выспрашивал. Тираж маленький, экземпляров сто всего. Так вот, там рассказывается об этой «белой вдове», которая еще со времен Батыея стала появляться. Как какой-то непорядок в государстве, так она тут как тут. И почему-то именно в Юрьевце. Хотя... может быть, и в других городах тоже.

— Любопытно, — произнес Велемир. — Так может, та вдова и эта — одно и то же лицо?

— Вам, камрад, по этому поводу лучше всего поговорить с Ферапонтовым, — сказал Черемисинов.

— Точно, с ним, — согласился второй.

— А с кем же еще? Только с Ферапонтовым, — подтвердил и третий, похожий на брата-эпилептика. — Он у нас тут самый умный. Все про все знает... А вот почему, — здесь он сделал небольшую паузу, — почему, камрад, ты вчера в морду инвалиду дал, а?

Такого разворота в теме Велемир никак не ожидал. Даже подавился глотком пива.

— Так это... вы, ты?... — пробормотал он. — Брат, что ли?

— Ну я, а кто же еще? Да ты не переживай так. Я его сам луплю, когда больше бить некого. Делов-то! А мы тебя потом до утра искали, самогона-то еще навалом. Думали утонул.

В это время из предбанника в клубах пара выступил волосатый корень дуба в фартуке, похожий на языческого бога, и разговор, к облегчению Велемира, прервался. Все, кто тут был, почтительно загудели, а некоторые даже повскакали со своих насиженных мест.

– Митрофану Васильевичу слава! Долгие лета! – понеслось с разных сторон.

А сам банщик, оглядев свое голое войско, окатил себя поочередно из нескольких шаек холодной водой. Потом грозно погрозил неведомо кому мощным кулаком и вновь скрылся в своих застенках.

– Во, человек! – в восторге прокричал брат-эпилептик.

– По своим талантам равный Ферапонтову, – согласился Черемисинов. – Вы, товарищ Тожеэ, обязательно должны с ним познакомиться.

– А я к нему и намерен отправиться прямо сейчас, – произнес Велемир. – Тем более он сам назначил мне на двенадцать.

– Могу проводить, – предложил мелкий предприниматель. – И у меня к нему есть кое-какое дельце.

Тут брат-эпилептик, наверное, от переизбытка чувств, стал как-то нехорошо дергаться. На губах у него появилась пена, словно он никак не мог проглотить кусок мыла. Затем повалился на бетонный пол и начал биться об него головой. И все, кто был рядом, принялись тотчас же бестолково его хватать и удерживать.

Из бани Велемир вышел вместе с Черемисиновым. Не стали дожидаться, когда брат-эпилептик придет в чувство. Причем оделись второпях, мелкий предприниматель даже позабыл носки, а Велемир зачем-то прихватил казенное полотенце. Его он замотал вокруг шеи, как шарф. Альма поднялась с земли и двинулась следом. В раскаленном воздухе вновь что-то ржало скрипнуло.

– Не люблю покойников, – сказал новый знакомец.

– Кого вы имеете в виду?

– Да этого, припадочного... Собственно, отлучился бы поскорее, что ли.

– А вы помогите. А скрипит тут кто? – покосился на него Велемир, подозревая нечто механическое и в суставах мелкого предпринимателя.

– А это старая техника на пристани. Ковшсы вся-

кие, землечерпалки. Ежели бы их маслом смазывали, то и не скрипели бы. А с другой стороны, чего смазывать, коли все равно не работают? Да и некому.

– Так уж и некому? Полгорода бездельничает. Дурку валяет.

– Работать, может, и есть кому, это я неправильно выразился, да самой работы нету. Потому техника и проржавела, а смазать-то ее не проблема. Было бы кому. Но поди заведи, коли и масла нету.

«Здорово он все объяснил, – подумал Велемир. – Не иначе, как у Ферапонтова в школе учился. Одно непонятно: как с таким постоянным скрипом в ушах жить? Это что же за железные нервы надо иметь в славном городе Юрьевце?»

До школы они добрались достаточно быстро. Она оказалась сразу же за церковью, будто приросла к ней с торца. Одноэтажное деревянное зданье на несколько комнат-классов, с дровяным сараем и жилым флигелем, над которым поднималась печная труба. Вся эта конструкция походила на парходик, который натужно тянул за собой и школу, и саму церковь.

– Вот тут он и живет, – с каким-то придыханием произнес Черемисинов и боязливо постучал в некрашеную дверь флигеля.

Ответа не последовало. Они молча потоптались минуту-две. Альма зевнула и улеглась. В конце концов все это бестолковое ожидание Велемиру надоело, и он бесцеремонно пнул дверь ногой. Она сама собой приветливо отворилась, и они вошли внутрь.

В затхлом полумраке ощущалось чье-то дыхание. Велемир набил шишку о косяк, затем ушиб ногу, споткнувшись о ведро, и только после этого разглядел возле занавешенного окна женский силуэт. Тонкая фигура показалась ему до боли знакомой, у него даже перехватило дыхание, а в сердце ударил чугунный рельс. Но в ту же секунду он понял, что ошибся. Женщина отдернула занавеску, впустив в горницу солнечный свет, повернулась и проговорила:

– Здравьсь-сь-те вам! А мне Матвей Яковлевич велел вас тут дожидаться. Принять как положено.

Это была Катя Рябцева.

— Как банька-то наша, понравилась? С легким паром!

«Откуда она про баню знает? А-а, наверное, от покойника-брата. Тьфу, от брата-эпилептика. И когда только тот успел передать? Тут и мышь ни от кого не спрячется».

Все это промелькнуло в ушибленной голове Велемира за пару секунд, пока он прыгал на одной ноге, как цапля. Ведро все еще каталось по полу, словно заведенное. Наконец утихло.

— Хозяин куды упер? — грубо спросил он, подстраиваясь под простонародье.

— А капусту полить, — ответила жена, будто вчера ночью ровным счетом ничего не произошло. А ведь действительно, ничего и не случилось. Порезвились малость и все. Никто никого даже не убил. Но он все же произнес:

— Катюша, ты уж извини, я, кажется, вчера твоего мужа как-то неловко локтем задел. Случайно, право.

— Да ерунда какая! Никто ничего и не заметил, уверяю. А ему не привыкать.

Черемисинов поднял ведро и вернул его на место возле двери. «Нарочно, гад, так ставит, чтобы люди об него щиколотки ломали!» Велемир стал рассматривать комнату. Обои цвели синими васильками, две стены занимали книжные полки, на столе стояла старенькая пишущая машинка, настоящий раритет, и глобус. Еще лежала кипа бумаг. Сразу видно, здесь живет человек ученый, древний, может быть, даже из допотопного человечества. А вот икон и образов почему-то не было. Почти сразу Велемир углядел и тонюсенькую книжку Трапезонтского «Мифы и легенды древнего Юрьевца», но полистать не успел.

— Идет! — торжественно сообщила Катерина, оправляя платье, как ученица. Глаза ее при этом будто бы даже загорелись, засветились. «От счастья, что ли? — подумал Велемир. — Видно, Ферапонтов у них тут у всех на каком-то особом положении».

И в ту же минуту в комнату вошел сам Матвей Яковлевич с садовой лейкой. Сейчас он напоми-

нал известного римского императора Диоклетиана, поменявшего государственные дела на капусту. И нашедшего в этом свое истинное предназначение и счастье. Хотя и с управлением Римом справлялся не худо.

— А! Хорошо, что пришли, — произнес юрьевецкий цезарь, кивнув гостям. — Тогда прямо сейчас и приступим.

— К чему? — тревожно спросил Велемир. — А Ирина где?

— Так она же уехала.

— Как так?

— Да не волнуйтесь вы, ради Бога. Просто отправилась во Владимир на своей «Тойоте», а потом, может быть, еще и в Суздаль прокатится. Словом, решила по Золотому Кольцу проехаться. Но дня через три вернется. Вещи-то ее здесь. Так что дождетесь. Если вы сами никуда не торопитесь... И если чего не случится, — добавил директор школы как-то очень уж зловеще и многозначительно.

— Никуда я не тороплюсь, — с вызовом ответил Велемир. — А даже наоборот.

— Все-то у вас наоборот.

Тут слово вставил и Черемисинов:

— Товарищ Тождэ ради такой знаменательной встречи с нею даже побрился. Жаль, теперь придется бриться во второй раз.

— Ладно, начнем дискуссию, — произнес Ферапонтов. — Сегодня мы с вами будем говорить о природе бытия и небытия, что из них ценнее и где больше пустоты. Замечено, что проблема «небытологии»...

— Погодите, — остановил его Велемир, обратив внимание на то, что Черемисинов вытащил откуда-то блокнот с карандашиком и приготовился конспектировать. — Не желаю я говорить об этой природе. Что я, совсем очумел? Я хотел с вами о другом потолковать.

— Молчите, — попросила его Катерина чуть ли не умоляющим голосом.

— Да, камрад Тождэ, да, — уже как-то сурово сказал и мелкотравчатый.

– Но я...

Слово ему давать явно не собирались.

– Вот что, – душевно промолвил Матвей Яковлевич. – Я вам сейчас все объясню. Это в конце концов моя обязанность. Разберем на конкретном примере. Вот у вас шишка на лбу, болит?

– У меня сердце ноет, – признался Велемир. – На остальное – чихать.

– Отлично! – обрадовался Ферапонтов. – Следовательно, боль становится символом бытия... А пустота небытия полнее самого концентрированного бытия, поскольку внутри себя не встречает абсолютно никакого сопротивления. Логично?

– Ну-у... да идите вы все! – озлился вдруг Велемир и даже зашвырнул книжку Трапезонтского, которую все это время держал в руках, в угол комнаты. – Чего вы мне задницу морочите? Я вам где? Вам баболить не надоело? Куда вы дели Ирину?

– Ирина Сажэ не за горами, – спокойно ответил Ферапонтов.

– Почему Сажэ? Какая-такая Сажэ? – забеспокоился Велемир.

– Фамилия такая, – пожал плечами хозяин. – А что?

– Вот вы же Тождэ, – подвякнул Черемисинов. – А она Сажэ. Даже в рифму получается «Сажэ – Тождэ».

Катерина хихикнула, а Матвей Яковлевич заулыбался. Но Велемиру сейчас было вовсе не до смеха.

– А вы ничего не путаете? – спросил он. – Не Штамп?

– Нет, молодой человек, не Штамп. Я ее давно знаю. И она всегда была как сажа – Сажэ.

То ли Ферапонтов вновь придурился, то ли говорил правду, но Велемир начал успокаиваться. Значит, это другая Ирина. Но взглянуть на нее все равно хотелось. Для абсолютной уверенности.

– Товарищ Тождэ к диалогу явно не готов, – заметил Черемисинов, убирая блокнот в карман.

– Ему небытие не нравится, – добавила Катя. – Еще со вчерашнего вечера. Я это сразу сообразила.

– Хорошо. Тогда поговорим о другом, – с умильной улыбкой на устах согласился Ферапонтов. – Интересных тем много. Можно порассуждать о депопуляции российских пространств и связанной с этим проблемой оленеводства. Это очень важно.

– Да, это меня устраивает, – кивнул предприниматель. – Как раз об этом-то я пришел с вами потолковать. Посоветоваться. Я решил разводиться в Юрьевце оленей. Для начала думаю взять пару сотен копыт.

– И правильно! – поддержал его учитель.

– Погодите, – вновь вмешался Велемир. – Закройте клапан. Мне дали к вам рекомендацию из Москвы профессор Чудинов и доктор наук Гриневич. Нам надо поговорить о праязыке человечества, а не об оленях.

Какая-то тень удовлетворения промелькнула по лицу Ферапонтова, он явно воодушевился, но перед остальными слушателями нужно было держать марку.

– Не сейчас, потом, – другим голосом проговорил он. – Олени тоже важны.

– А ему они, видите ли, не по душе. Капризный какой! – промолвила Катерина.

– Да дурак просто! – достаточно громко прошептал Черемисинов. – А в бане интеллигента из себя строил.

Велемир швырнул в его сторону казенное полотенце с шеи. Еще и плюнул. Но не попал. Он был уже на таком взводе, что ему было все равно. Пусть думают о нем, что хотят.

– А давайте поговорим пока о глобальных мировых войнах, очередь до которых дойдет через пять – десять лет, когда исчерпаются все залежи газа и нефти в России, Нигерии, Венесуэле и на Ближнем Востоке? – предложил Ферапонтов.

– Вам потрепаться не с кем? Не буду.

– А тогда о реформе русского языка одна тысяча девятьсот семнадцатого года.

– Ну, это мне как-то ближе по профессии, – с сомнением отозвался Велемир, ожидая какого-то очередного подвоха. – Но я хотел...

Ферапонтов оборвал его на полуслове своей фразой:

— Что, опять не нравится? А ведь эта пресловутая реформа целенаправленно проводилась криптозоологами-каббалистами, чтобы ослабить главнейшие духовные скрепы русского народа. Насекомых, по их мнению. Они первым делом отбросили наименования букв кириллицы и их численные значения, ликвидировали славянское шрифтовое начертание, отменили некоторые буквы, изменили отдельные правила грамматики. Но истинной, тайной целью реформы языка 1917 года было навсегда отсечь народ от его святых православных созидательных корней — духовности, нравственности, культуры, традиций, обычаев, ослабить его волю к сопротивлению. Как делается это и сейчас теми же каббалистами, но уже криптоботаниками. Поскольку из насекомых мы уже превращаемся в придорожные лопухи.

— Я не хочу быть растением, хочу по крайней мере в клетку к обезьянам, — сказал Черемисинов. — Там бананами кормят.

— Для тебя сделают исключение, — погладил его по голове Ферапонтов. — Посадят к крокодилам. Симптоматично, что в церковно-славянском языке алфавит начинался с местоимения первого лица единственного числа — «азь», а нынешний им заканчивается — «я». В первом случае человек воспринимает язык как сотворенный по образу Божьему, а во втором — как случайный результат игры бездушных сил.

— Интересно и неслучайно, что слова «мир» и «mip», имеющие разные смыслы, превратились в одно, — согласился с ним Велемир, начиная увлекаться разговором. — А выкинутая ять оставила нас без понимания различий многих, кажущихся «однокоренными» слов и подсознательно связывающихся в современном шизофреническом, не различающем, «омонимическом» сознании.

— А чем, например, «вещий» Олег отличается от «вещевого» рынка? — тотчас подхватил Матвей

Яковлевич. — Но особая ответственность лежит, в первую очередь, на тех, кто говорит и мыслит на наиболее хорошо сохранившихся от первобытного наречиях. Неочаромутненных, по Лукашевичу. А среди них — на тех, кто именует себя языковедами и лингвистами. Как вы, к примеру. Вы ведь нейролингвист?

— Откуда вы знаете? — опешил Велемир.

— А мне Гриневич писал. Так что я вас давно поджидаю.

Черемисинов все это время чиркал в блокнот, записывая каждое слово своего учителя. Может, и умнел при этом. На лице не отражалось. А наставник повел речь дальше. «Да он сам и есть тот артефакт, о котором мне говорил Гриневич», — подумал Велемир, слушая Ферапонтова.

— А как вы относитесь к древним иконам? — спросил вдруг Матвей Яковлевич, словно предлагал новое изысканное блюдо.

— Нормально отношусь, очень даже люблю, — настороженно ответил Велемир, еще не совсем представляя, к чему тот клонит.

И тут в комнату тихо, почти незаметно вошла пожилая, довольно крупная женщина в темном платке и мужских башмаках. В руках она несла миску с ярко-красной крупной клубникой. Ни на кого не глядя, молча поставила на стол и также бесшумно удалилась.

— Спасибо, Марфушка! Покорми там чем-нибудь Альмушку, — бросил ей вслед хозяин и обратился к гостям: — Угощайтесь.

«Супруга, — стопроцентно определил Велемир. — У такого Цицерона жена может быть только глухонемой, для равновесия сил в природе». Он взял ягоду и съел. Потом еще горсть. Клубника была вкусной, не та, что в Москве, химическая. А старушка снова вошла в комнату, на этот раз с трехлитровой банкой молока и кружками. После чего исчезла.

— Верная спутница моей жизни, — любовно произнес Ферапонтов. — Настоящая Марфа Посадница.

– Посадница-то, вроде бы того... бунтовала, – сказал Велемир, – да и вдова была.

– А я в другом смысле, – как всегда охотно откликнулся хозяин.

У него, кажется, на все был готовый ответ в кармане. Как пригоршня семечек. – Я ее посадницей называю потому, что во Владимирском центре сидела. За убийство первого мужа. Топором.

– А вы, стало быть, второй?

– Я третий. Да это не важно. Иконы вы, значит, почитаете?

– Я же православный. Как-никак.

– Так как или никак? – строго спросил Черемисинов. Прямо прокурор. Мелкий. Велемир не удостоил его ни ответом, ни даже взглядом.

– Хорошо, – продолжил директор словесного департамента. – Тогда вам будет любопытно узнать, что здесь, в Кривоезерской пустыни, в двух верстах от Юрьевца, хранился чудесный список древнейшей Иерусалимской иконы, написанной, по церковному преданию, самим евангелистом Лукой. Апостол Лука оставил по себе много знаменитых икон, взять хотя бы «Владимирскую», к которой рано утром отправилась ваша, наша то есть, Ирина Сажэ. А вас не удивляет, что все они так или иначе очутились на Руси?

– Нет. Где же им еще быть? Не у турок же.

– Ну, на Афоне, например. Вопрос сложный. Но это тоже сейчас не самое главное. А с Иерусалимской иконой произошло следующее. Когда апостол Лука приготовил две кипарисовые доски, то на одной из них образ Богоматери чудесным явлением изобразился сам. Без помощи рук и красок. Эта икона позже прославилась в Антиохии и получила название «Трапезундской».

– Трапезонтской? – переспросил Черемисинов. – Через «т» или «д»?

– Через колено, – рывкнул на него Велемир. – Не лезь, пес.

Он вспомнил почему-то об авторе, книжку которого зашвырнул в угол комнаты. Ферапонтов мягко улыбнулся, словно угадав его мысли.

– Нет, тот, с кем вы так небрежно обошлись, к Антиохии имеет лишь косвенное отношение, хотя дальние предки его из Трапезунда. Но вот он-то и проводил некие разыскания по поводу Кривоезерской Иерусалимской иконы. Собственно, мы вместе этим занимались. И праязыком тоже. Ну насчет последнего мы еще успеем с вами потолковать. А пока обратимся к иконе, написанной на второй кипарисовой доске.

Велемиру понравилось, что Матвей Яковлевич сейчас говорит спокойно и ясно, без всякого юродства. То ли тема такая, то ли ему самому порой надоела собственная словесная клоунада.

– Но сначала позвольте рассказать предысторию.

– Позволяю, – кивнул Велемир, приканчивая клубнику и наливая себе уже вторую кружку парного молока. Краем глаза он заметил, что Черемисинов снова достал свой блокнот с карандашом и изготовился вести протокол собрания. Экий хлыщ! И все-то он за Ферапонтовым конспектирует. Видно, в отличники набивается. Катя же сидела молча, не пошелохнувшись, во все глаза глядя на юрьевецкого гуру.

– До середины десятого века эта икона оставалась в Иерусалиме, – продолжил Матвей Яковлевич. – Затем греческим царем Львом Великим была перенесена в Константинополь и помещена в храме Богородицы «Пигии», что означает «источник». Она и являлась духовным живительным родником для всех страждущих. При императоре Ираклии на Константинополь напали скифы. Кстати, скифские изображения встречаются и на орнаменте нашей церкви, которая была построена еще до татаро-монгольского ига, в самом начале тринадцатого века. Например, кентавры. А ведь известно, что скифский воин был с конем одно целое, об этом еще Геродот писал, «отец истории».

Так что мы, юрьевцы, может быть, последние уцелевшие скифы.

Черемисинов строчил карандашом по бумаге, как заведенный, не поднимая головы.

— Тогдашнее нашествие скифов на Константинополь удалось отразить лишь по молитвам всего греческого народа перед Иерусалимской иконой Богоматери. А когда на Византию предприняли поход руссы, в начале X века, икона была взята в Херсонес. Почему? Думаю, промыслительно. Ведь в Херсонесе позже крестился святой князь Владимир, который и увез этот образ с собой в Киев. Вот и получается, что вместе с Иерусалимской иконой к нам на Русь пришло и Православие. Так святыня перемещалась в пространственно-ключевых точках Истории. И так она оказалась на Руси. Проходит еще несколько столетий. Отечественная война, Наполеон. Французы входят в столицу, во многих храмах устраивают конюшни. Воруя церковную утварь. Похищают и Иерусалимскую икону. Вывозят ее в Париж, где она и находится донныне в соборе Нотр-Дам.

— А Кривоезерский список? — задал вопрос Велемир.

— С Иерусалимской иконы существовало несколько списков, — ответил Ферапонтов. — Один из них, в селе Измайлово, был столь тяжелый, что поднять его могли вместе с ковчегом лишь восемь человек. Другой находился на Волыни, в селе Онышковцах. Есть в Бронницах, в Чернигове, в других местах. Все они чудотворные.

— Как правильно писать: «анышковцы» или «онишковцы»? — вскинул голову Черемисинов.

— Уймись, дурак! — толкнул его в бок Велемир, отомстив за предыдущего «дурака» в свой адрес. — Продолжайте.

— Самый чудотворный и почитаемый, хотя так говорить и нельзя, все — намоленные и божественны, хранился в Кривоезерском монастыре. Точнейшая копия Иерусалимской иконы. Икону отпускали во все ближние и дальние городки и села, где она

спасала от чумы, холеры, голода, пожарищ, поднимала немощных, возвращала зрение. К примеру, в июле 1859 года, в Гребецком овраге в Юрьевце произошел пожар. В доме одного мещанина, Черемисинова.

— Я? — вскинул голову мелкий предприниматель.

— Ты, ты, такой же, — кивнул Ферапонтов. — Огонь распространялся очень быстро, сразу же сгорело еще четырнадцать домов. К счастью, Иерусалимская икона в это время находилась в соборе. С молитвенной честью ее вынесли и приблизились к месту сосредоточения огня. И почти мгновенно ветер, дувший на северо-восток, переменял свое направление на запад, а искры, сыпавшиеся на город, начали падать внутрь оврага и на гору. С того времени юрьевцы относятся к Иерусалимской иконе с особенной теплотой и почитанием.

— А Черемисинов? — спросил Черемисинов.

— Тот исчез, а этот вот тут, — улыбнулся Ферапонтов, вновь погладив его по голове. Очевидно, он относился к нему как к любимому, но бедному умом пасынку. А может, видел в нем себя в молодости.

— Так Иерусалимская икона сохранилась? — спросил Велемир.

— Нет, — ответил хозяин. Улыбка не сходила с его уст. Такая же загадочная, как у Монны Лизы. Он молчал, словно не хотел больше говорить на эту тему. Но, пристально взглядевшись в Велемира, все же произнес:

— Но я точно знаю, что она где-то в Юрьевце. Укрыта до поры, до времени.

— Как?.. Где же?.. Почему?.. — спросили, кажется, все трое, одновременно. Вырвалось разом.

А Ферапонтов в ответ произнес загадочную фразу:

— Иконы являются и исчезают и ждут своего часа.

И добавил, еще раз внимательно посмотрев на Велемира:

— Однако мне пора назад в школу. Ребятишки заждались. Продолжим в другой раз.

ПЕСНЬ О ЯЗЫКАХ

Дом с башенками на Трубной площади оказался элитным жилым строением и ничего подозрительного в себе не таил. К тому же у подъезда маячили два полицейских из вневедомственной охраны.

— Вот здесь я и живу, — произнес Велемир Радомирович. — Давайте идем и продолжим. Хватит гулять без толку. В ногах правды нет.

Но поскольку они колебались, он добавил, многозначительно поглядев на Марину:

— У меня есть текила. Золотая.

— У нас у самих есть текила, — недовольно буркнул Вадим. Ему как-то не очень хотелось водить невесту к посторонним людям. Знаем, чем это заканчивается. Ничем хорошим. Но в то же время интересно было узнать продолжение, а может быть, и окончание всей этой странной истории. Такое же желание владело и Мариной. И любопытство взяло вверх.

— Ненадолго, — согласился юрист, взяв девушку под руку. — Буквально на полчаса.

Однако какие-то нехорошие предчувствия уже стали поскребывать в его сердце. Пока они поднимались по лестнице на второй этаж, «соломенный вдовец» молчал, но в квартире, весьма просторной, трехкомнатной, правда, основательно запущенной и запыленной, сразу повел их к висевшему на стене фотопортрету и поспешно, словно наверстывая упущенное, заговорил:

— Это она на свадьбе. Снимали на Воробьевых горах. Двадцать три года назад.

Со снимка на них несколько удивленно глядела изящная красивая девушка, очень похожая на Николь Кидман, в белом подвенечном платье, который теперь напоминал саван.

— Давайте сюда цветы, мы поставим их в вазу.

Велемир Радомирович забрал у Марины букет

роз и передал их телохранителю, который ушел на кухню. А из соседней комнаты вдруг появился тот самый лысоватый мужчина сублильного сложения, мелькнувший в ресторане «Шеш-Беш». Частный детектив.

— Знакомьтесь, — представил его хозяин квартиры. — Мой старый школьный приятель Марк Иванович Гаршин, бывший следователь по особо важным делам Главной прокуратуры. В ранге генерала. Но профессионалы нынче не ко двору, теперь вот частным сыском занимается. А это его сын Иван, служил в спецназе ГРУ, — указал он на вернувшегося с цветами в хрустальной вазе телохранителя. — Так что здесь все свои.

Он достал из серванта квадратную бутылку, рюмки, уже нарезанный лайм и солонку.

— Сколько ей здесь было лет? — спросил Вадим, не отрываясь от фотопортрета.

— Двадцать два, как и мне.

— Мой любимый возраст, — добавила Марина. — Потому что и мне столько же.

Все впятером они расположились в удобных креслах вокруг низкого полированного столика из карельской березы. Велемир Радомирович налил текилу в крохотные рюмки.

— За Лену, мою жену, не чокаясь, — сказал он и выпил.

Остальные последовали его примеру. Частный детектив и его сын пока не проронили ни слова.

— Что же было дальше? — спросила Марина. — После того, как вы потеряли сознание? И кто это приходил? Не Лена же?

— Видите ли, я был настолько наэлектризован этим потусторонним посланием, что войди в номер кто угодно, я бы все равно не выдержал, рухнул. А еще я рисовал себе такую картину, реконструируя те давние трагические события. Допустим, сошедший с гор ледник Колка не раздавил Лену, а лишь задел ее краем. И она сумела каким-то чудом выбраться, но потеряла память. Амнезия. Возможно, ее кто-то приютил. А может

быть, память ее частично восстановилась. И она смогла добраться до Юрьевца. Потому что там ей было всегда хорошо. И уже тут ее взяли «в оборот». Молодая симпатичная женщина, беззащитная, к тому же лишенная прошлого и будущего. Идеальный вариант, чтобы сделать из нее куклу. Ну, вы понимаете, что я имею в виду.

Он мельком глянул на фотопортрет и добавил:

– Как Николь Кидман в «Догвиле». И я почти уверил сам себя в этой версии. У меня в голове неустанно стучала «Цисмольдская прелюдия» Рахманинова, ее еще называют агонией заживо погребенного человека, бьющегося в гробу. Вот таким было мое состояние в те минуты. Поэтому несколько не удивительно, что я потерял сознание при виде этой молодой женщины.

Вадим и Марина переглянулись. Только сейчас они обратили внимание на то, что в квартире преобладает определенный цвет. Темный. Черные бархатные гардины, пурпурные обои, иссиня-угольный персидский ковер на полу. Не говоря уж о траурной рамке и креповой ленте на фотопортрете.

– А кто она была? – вновь спросила Марина, самая любопытная из всех.

– Так, просто местная жительница, посланная ко мне администраторшей гостиницы, – неохотно отозвался Велемир Радомирович.

– Понятно, – тактично ограничился всего одним словом Вадим.

– Спасибо хоть, что она не сбежала тут же, а хлопотала возле меня, пока я не пришел в чувство. Да и потом стала мне как бы путеводителем по Юрьевцу. Проводницей по кругам ада. Хотя тут я немного и преувеличиваю.

Хозяин квартиры принялся набивать трубку. Затем обратился к частному детективу:

– Ты сделал почерковедческую экспертизу?

– А как же! – ответил тот. – В лучшей лаборатории ГРУ, у самых опытных экспертов. Хочешь знать результат?

– Не тяни.

– А выдержишь?

– Ты меня тридцать пять лет знаешь. Я и не такое выдерживал. Почерк ее?

– На девяносто девять процентов.

– Но этого же не может быть! Потому что не может быть никогда. Она погибла в Кармадонском ущелье.

– Вот потому-то я считаю, что это супервысококласная подделка. Таковую могли изготовить только наши специалисты. Из ФСБ или ГРУ. Но их уже не осталось. Тогда какое-нибудь ЦРУ, АНБ. Там могут. Но зачем? Тебя и так наглухо закрыли. И здесь, в России, и там. К чему копыа ломать?

– А я тебе отвечу. Потому что я на расстояние шага приблизился к Праязыку. Еще чуть-чуть – и его тайны откроются.

– Не сходи с ума, Велемир. Ты сам хорошо знаешь, чем заканчивались и заканчиваются подобные исследования. Брось, оставь.

– Пусть. Но я все равно не оставлю. Это дело всей моей жизни. И Лена бы не допустила, чтобы я бросил.

– Лены больше нет.

В разговоре наступила минутная пауза. Остальные, напряженно слушавшие их диалог, ждали продолжения. Хозяин добавил в рюмки текилу, пожевал дольку лайма. Затем произнес:

– А записка?

– Я тебе так скажу. Если бы почерк совпадал на семьдесят-восемьдесят процентов, то, как ни странно, это гипотетически могла быть Лена. Поскольку прошло тринадцать лет со дня ее гибели, а почерк за подобный длительный срок видоизменяется именно на такое процентное соотношение. Но почти идентичное совпадение говорит лишь о том, что это редкой степени достоверности фальшивка. Кто-то тебя, Велемир, водит за нос. Дурит голову. И вполне возможно, чтобы довести до инсульта.

– Нет, Марк. Я чувствую: тут что-то другое.

– Инфернальное? Но ты забыл, что я практик, опытный следак, а не экзорцист, изгоняющий дьявола. Я работаю с реальными персонажами и желательно при дневном свете.

– Вот потому-то и обратился к тебе за помощью. Уж ты, Марк, возьми на себя всю бытовую часть дела, а мне оставь мистическую. Попробуем разобраться. Все вместе. У нас получится. Вот и молодые люди нам помогут. Ведь поможете?

– А как же! – резво ответила Марина. И за себя, и за своего жениха. Тот попытался что-то возразить, но потом лишь вяло махнул рукой. Такая невеста, став законной женой, оседлает почище панночки из гоголевского «Вия». Надо еще крепко подумать, брать ли ее в супруги.

– Ну хорошо, – с сомнением в голосе согласился бывший следователь. – Уговорил, чертяка.

За это они вновь и выпили.

– Кстати, – вспомнил вдруг Вадим. – В этом вашем гребаном Юрьевце живет моя дальняя родственница, седьмая вода на киселе. То ли троюродная сестра, то ли еще кто. Мама лучше знает. Да я и видел-то ее всего пару раз. Приезжала к нам в гости два года назад. Катерина, так, кажется, ее зовут. Тоже Рябцева.

– Знаю, – усмехнулся Велемир Радомирович. – Привет вам шлет. Это она меня к вам и направила. А как бы иначе я вышел на вашу маленькую нотариальную контору?

– Ну не такая уж она и «маленькая», – растерянно отозвался молодой юрист. – А почему сразу не сказали?

– Да к чему? Вы бы еще не так поняли. Вот выдался случай, и сказал.

– Хм-м... Вот уж действительно все в этом мире взаимосвязано.

– А вы сомневались? И, кстати, никогда не следует забывать о том, что у тебя за спиной всегда кто-то стоит. В прямом и переносном смысле. Но это так, афоризм «от Толбуева». Толбуев – это я. А

Катерина и привела меня в чувство, когда я грохнулся. А потом... показывала «достопримечательности» Юрьевца.

Велемиру Радомировичу не хотелось рассказывать о том, чем троюродная кузина Вадима занимается в этом городке и как «обслуживает» гостиницу. Вообще не хотелось говорить о своих приключениях в городе. Знали о них лишь Марк Гаршин и его сын. Но они и должны были быть в курсе всего, чтобы анализировать и принимать правильные решения. А эти молодые люди пока обойдутся минимумом информации.

– Значит, Ирины ты так и не дождался? – спросил Гаршин, переводя разговор в другое русло.

– Нет. Но времени зря не терял, уж поверь. Польза ощутимая. В моих исследованиях, я имею в виду. А насчет Ирины я сильно сомневаюсь, что это сестра Лены. Сажэ какая-то... Какая Сажэ, когда она Штамп?

– И все равно надо перепроверить. Я привык не выпускать из рук ни единой ниточки. Какая-то из них, самая тонкая и рвущаяся, может и оказаться главной.

– Хорошо. Займись этим сам.

– И нам, думаю, все равно надо вновь ехать в Юрьевец.

– Согласен. Завтра и тронемся.

– Ну а что же было потом? – вновь поинтересовалась Марина. Ей не терпелось узнать все и сразу. Но так не бывает. Путь к разгадкам всяческих тайн, особенно мистических и сакральных, всегда долог. И надо затратить немало усилий, чтобы докопаться до истины. Или так и не узнать ничего. Но, по крайней мере, хоть попытаться сделать это, пройти той дорогой, на которой тебя на каждом шагу подстерегают опасности и ошибки. Зато тебе непременно, так или иначе, воздастся за эту решимость.

Но Велемир Радомирович не ответил на вопрос Марины. Он вновь раскурил трубку, а Вадим принялся к ароматному индийскому табачку. Не-

которые опасные насекомые-хищники выделяют пахучие вещества — феромоны, на которые сползаются и слетаются другие, более мелкие букашки, а там уж они попадают в ловушку. Почему-то именно этот зоологический факт вспомнился сейчас молодому юристу, когда он ощутил слегка дурманящий запах.

«Галлюциногенный табачок-то», — подумал Вадим. Сам он никогда в жизни не курил и всегда чувствовал себя скверно, когда кто-то рядом баловался сигаретой. Вот и теперь у него чуть закружилась голова, а сердце стало аритмично постукивать. Молодому человеку стало казаться, что предметы в квартире и лицо самого Велемира Радомировича начали как-то расслаиваться, изгибаться. Менять свои очертания. Повторялась сцена в ресторане, когда он увидел странную виртуальную троицу, похожую на них самих.

Наверное, то же самое чувствовала сейчас и Марина. Она полузакрыла глаза и откинулась на спинку кресла. «Вся его история связана с нечистой силой, — подумал Вадим. — Да он и сам черт». Ему казалось, что кто-то равномерно, тихо, но настойчиво стучит в дверь. Уж не Лена, ли? Которая, не достав супруга в Юрьевце, отправилась вслед за ним сюда, в Москву. Нет, надо посидеть еще немного и уходить. Бежать отсюда сломя голову. И от самого Велемира Радомировича, и от этих двух оборотней.

А хозяин глядел прямо на него и загадочно улыбался. А фотопортрет на стене качнулся, и белые пальчики отодвинули траурную ленту, которая мешала выбраться...

— Надо открыть дверь, — заплетаящимся языком пробормотал Вадим. — Так нельзя... — успел он еще добавить, и больше уже ничего не мог сказать или сделать, проваливаясь в темноту.

Прошел, наверное, час, не меньше.

— Зачем Юрьевец? Какой такой к собакам Юрьевец? — протирая ладонью глаза, спросил Вадим. В креслах, кроме хозяина, продолжали сидеть

частный детектив и телохранитель. Невесты не было.

— Ну, городок этот, о котором я только что рассказывал, — ответил Велемир Радомирович.

— А Марина?

— Марина устала, спит. Пошла в соседнюю комнату, легла на диван, и я укрыл ее пледом.

— А я?

Вопрос был бестолковым, но хозяин терпеливо ответил и на него:

— А вы также вроде бы придремнули, но слушали. Даже головой кивали. Хотите тоже прилечь?

— И гроб по размерчику найдется? — невесело пошутил Вадим, вспомнив былинку о Святогоре. — Это все ваша текила виновата. Поганая она, уж извините. Если не с нашим, то с каким-нибудь мексиканским стеклоочистителем.

— Тогда... коньяк? «Ной», пять звездочек, — любезно предложил Велемир Радомирович.

— Я вообще-то не пью так много и свою норму на неделю вперед уже выполнил. Но... А, ладно, давайте!

Хозяин вытащил из того же серванта початую бутылку армянского коньяка, а лайма и к нему годится. Налив гостю, он сказал:

— Я продолжу. Понимаете, иногда в сознании происходит какое-то смещение оси времени. Бывает коллективное «смещение», когда История повторяется, а бывает «по индивидуальной программе». То есть мы возвращаемся туда, где были, даже если уходим в будущее. Ведь даже второе пришествие Христа — это исход к началу. Я уверен, убежден в том, что разумный, мыслящий человек проживает не только свою жизнь, но всего человечества, всего земного бытия. В генах его, как в матрице, заложена история Адама и Евы, грехопадение, Вавилон, исход из Египта, Потоп, Голгофа, крестовые походы, ну и так далее. Вплоть до Апокалипсиса, может быть, только в иной последовательности, не знаю. Ведь геном жизни изучить и познать нельзя, сколько бы ученые ни бились. Это

как учебник Истории, только написан на незнакомом нам и, пожалуй, даже несуществующем языке. Можно лишь разобрать отдельные слова. И попытаться что-то домыслить. Картина становится ясной после смерти — личного апокалипсиса, когда уже поздно. Сделанного не воротить.

— А к чему вы это? — подозрительно спросил Вадим.

— Да все к тому же, к Юрьевцу, — ответил за хозяина Гаршин.

А Велемир Радомирович добавил:

— Это касается загробной жизни. Мы ведь все живем среди тайн и чудес, только не замечаем, настолько обременены бытом. Бежим куда-то, суедемся, торопимся... А человек лежит.

— Какой человек?

— Ну это я так, образно. Но вот конкретный случай, исторический факт. Беру наугад из памяти, у меня их целая коллекция... Итак, идет 1845 год, Лифляндия. Под Ригой, в пансионате для благородных девиц ведет уроки классная дама, некая Эмилия Сажэ, француженка из Дижона... Черт! — остановился он, замолчав. — Опять Сажэ! Только сейчас сообразил. Как та неведомая Ирина, из Юрьевца. Нет ли и тут какой-то временной связи?

— Будем разбираться. Когда отец проснется, — сказал Иван.

— Ладно. Эта Сажэ блондинка с прекрасным цветом лица, характера спокойного, ровного, здоровье отличное. Тридцать лет. И вот по пансионату начинают ползти слухи. То ее видят в одной комнате, то в другой, то на лестнице, то в коридоре. И почти всегда одновременно. И это повторяется все чаще и чаще, ошибки быть не может, объяснений этому тоже нет. Другие воспитательницы говорят девицам, что все это их вздор и фантазии. Но вскоре стали происходить вещи еще более странные и невероятные.

— Нет, надо все-таки разбудить Марину, — разволновался Вадим. — Она мне не простит, что пропустила такие фантастические истории. Живьем съест.

— А я ей повторю их, если захочет, — пообещал хозяин. — Слушайте дальше. Если раньше Эмилия Сажэ появлялась в разных местах одновременно, то теперь — сразу и вместе, в одной комнате или в саду. Например, одна Эмилия стоит возле доски и пишет мелом, другая сидит за столом и листает книгу. А то обе они помогают сзади застегивать платье какой-нибудь из девиц... И это отражается в зеркале.

— Невероятно, — скептически возразил Вадим.

— Все невероятное — наиболее вероятно, — ответил Велемир Радомирович. — А все очевидное как раз-то и неочевидно. Продолжу. Бывало и так, что одна Сажэ вставала и выходила из класса, а на ее месте тотчас же, словно из воздуха, появлялась вторая. И это видели все сорок две воспитанницы и десять человек обслуги. Их потом опрашивала полиция, и все это есть в документах и протоколах. Почитайте священника Григория Дяченко, который сам там присутствовал и оставил воспоминания. Служитель Православной церкви лгать не станет.

— Сестра-близнец исключается? — спросил Вадим.

— Да. Это и невозможно, ведь двойник появлялся из ниоткуда и исчезал в никуда. И кто из них был кто? Более того, до двойника можно было даже дотронуться, он имел некоторую плотность. А продолжалось это восемнадцать месяцев. В конце концов, Эмилии Сажэ вынуждены были отказать от места, поскольку дольше терпеть такие форменные безобразия было нельзя...

— А как она сама к этому относилась? — голос принадлежал Марине, вышедшей из соседней комнаты. — Славно отдохнула, теперь как новенькая. Но я все слышала.

— Поздравляю. С пробуждением к новой жизни! — иронично заметил жених.

— Мучилась, — ответил Велемир Радомирович. — Но вот что особенно любопытно. Подобные чудеса проявлялись с ней лишь в Нейвельке, в этом

пансионате под Ригой. На всех прежних работах, в других географических точках ничего такого не случилось. И у нее там везде были наилучшие аттестации. Кстати, она ведь не умерла тотчас же, как можно было бы предположить. Дескать, человек после появления своего астрального двойника, непременно должен умереть. Нет. Она уехала в глубь России, правда, следы ее потом затерялись.

— Уж не в Юрьевец ли и уехала? — задумчиво пробормотал Вадим.

— Вполне возможно, — отозвался хозяин.

— Даже наверняка, — сказала Марина. — Ох, как же мне хочется побывать в этом Юрьевце!

Вадим, уже сообразив, куда клонит его невеста, строго сказал:

— Даже не думай.

А Велемир Радомирович спокойно произнес:

— Я вам сейчас привел эпизод из области таинственного, который официально задокументирован. Можно возразить, что все это случаи какого-то массового гипноза. Но восемнадцать месяцев водить полсотни человек за нос! На это Сажэ вряд ли была способна. Можно ли поверить в такую всеобщую и длительную галлюцинацию? Вы сами знаете, что бы вам на это ответил Станиславский.

— Все это расшатанная психика давно минувших времен, — не найдя нужного заключения, сказал молодой юрист. — Но я понимаю, что вы ведете разговор к тому, что в Юрьевце каким-то чудесным образом вдруг проявилась ваша жена. Точнее, ее призрак. Так?

— Так, так, — отозвался проснувшийся Гаршин. — Именно об этом он и ведет речь все время. Как его ни переубеждай.

Он встряхнул головой, потянулся и закончил свою мысль:

— Призраки существуют только в одном месте — в нашем сознании.

Теперь все снова были в общем сборе и в боевой готовности.

— Спорный вопрос, — сказал хозяин квартиры. — Но и он требует разрешения. И немедленно. Классные дамы могут подождать, им уже торопиться некуда, а мне ждать нельзя... Так вы едете вместе с нами в Юрьевец? — обратился он к жениху и невесте.

— Когда? — с готовностью спросила Марина.

— Завтра утром, — ответил Велемир Радомирович и, посмотрев на часы, поправился: — Нет, уже сегодня.

Вадим задумался. Он знал, что невесту уже не переубедить. В любом случае отправится, хоть с ним, хоть без него. Тогда уж лучше вместе. Но он тянул с ответом. Ему даже льстило, что от его слова сейчас зависит многое. А если посмотреть на это дело иначе, то какая разница, где провести уик-энд — в душевной Москве или в Юрьевце, на берегу Волги?

Получив тычок от Марины, он важно изрек:

— Погоди, дело это серьезное, надо все продумать. А машина есть?

— Разумеется, — ответил Велемир Радомирович. — Джип.

— У меня нет зубной щетки.

Это был его последний аргумент «против».

— По дороге купим.

— А как долго продлится наша «командировка»?

— Пока не докопаемся до истины.

— Дня три, не больше. Думаю, этого времени хватит, — вступил в разговор Гаршин. И обратился к хозяину квартиры: — Я ведь тоже не сидел без дела, кое-что выяснил. По поводу Иерусалимской иконы.

— Отлично, об этом потом. Решайтесь, Вадим. Не пожалеете.

Тот, выпустив из груди воздух, наконец великодушно смиростивился:

— Ну, ладно. Только за бензин плачу я.

— А это как вам будет угодно, — согласился Велемир Радомирович.

Марина захлопала в ладоши. Единственная девушка в их странно сложившейся компании чув-

ствовала себя принцессой. Да и они все относились к ней так же.

— Поедем через Ногинск, Владимир, Иваново и Кинешму, это самый короткий маршрут, — предложил Гаршин. — Всего-то полтыщи километров, восемь часов езды. За рулем будем меняться. Все умеют водить?

— Да я даже воздушным шаром управляла! — возмутилась Марина.

— Когда же это? — поинтересовался Вадим.

— А-а, в Дубае. А вот почему Иван все время молчит?

Сын следователя еще больше засмутился. Девушка явно с самого начала произвела на него сильное впечатление. Он то и дело поглядывал на нее, а потом поспешно отводил взгляд. Чтобы не раскрыли. Но это было и без того всем видно.

— Натура такая, — ответил за своего отпрыска Марк Иванович.

— И зачем вам вообще понадобились телохранитель и частный детектив? — задал более резонный вопрос Вадим. — В чем причина?

— Объясняю. Во-первых, еще с первого июля, когда я приехал в Юрьеvec, возле меня стала крутиться какая-то опасная карусель. И кого она заденет боком — еще неизвестно. Предупреждаю заранее, чтобы все были готовы к самому непредвиденному. И спецназовские навыки Ивана просто необходимы. Это раз. Во-вторых, аналитические способности Марка выше всяких похвал. Только он способен распутать этот клубок тайн. Я имею в виду дело моей погибшей-пропавшей жены и исчезновение Иерусалимской иконы. А уж с праязыком я сам разберусь.

— А что это за икона такая и что с ней приключилось? — спросила Марина. — Я сейчас точно в сказке нахожусь, — добавила она, — все перевернулось: раньше были одни лишь бессмысленные тусовки да фотосессии, а сейчас — будто дверь в новый мир открылась. Все интересно.

Велемир Радомирович, набивая трубку своим редким табачком, произнес:

— Это хорошо, человек и должен открывать все новые и новые двери, а не торчать в одной и той же комнате, вернее, в чулане даже. А насчет иконы нам после Марк Иванович расскажет. Я же пока, чтобы скоротать время до отъезда, приоткрою еще одну таинственную дверь в удивительный мир языков-народов.

— Только, если можно, не курите больше, — решительно попросил Вадим. — А то я опять в анабиоз впаду. У меня идиосинкразия на табачный дым.

— Штраф — три тысячи рублей, — добавила Марина.

— Да без проблем! — и Велемир Радомирович убрал трубку в карман. Зато вытащил из серванта бутылку красного чилийского вина. Никто отказываться не стал. А хозяин, смакуя прекрасное сухое вино, выдал «на гора»:

— Я, друзья мои, ищу древний единый праязык допотопного человечества «археологическим способом». Снимаю пласт за пластом «слои земли» — современные языки, устаревшие, забытые, новые, мертвые, искусственно сконструированные, средневековые. Все больше приближаюсь к первобытным. Вгрызаюсь в грунт, в скальные породы, в известковые отложения, погружаюсь в подземные воды, озера, моря, в сталактитовые пещеры, пробираюсь по узким коридорам и туннелям в темноте и на ощупь. Путь долог, конца по-прежнему не видно, а цель постоянно ускользает. Порою меня манят ложные огоньки, я сворачиваю на обманный путь, но возвращаюсь обратно и упорно продолжаю двигаться вперед. Чтобы вновь, не останавливаясь, искать истину. Меня ведет мысль и дух, и я не намерен отступать. Это теперь главная задача моей жизни. После смерти Лены.

Закончив столь «песенное» вступление, он продолжал, снизив пафосный тон:

— На каких языках говорили Нума Помпилий

или хан Батый, жившие в относительно близких исторических временах? Ведь где для нас – тысячелетие, для Господа – один день. А уж хронологические рамки и даты всегда очень условны, часто не точны и порою намеренно искажаются. На каком языке отдавались приказы в войсках Иисуса Навина, Александра Македонского, князя Святослава? На иудо-эллинском? На иврите? На каком-либо койне? На суахили? Этими вопросами озабочены исследователи-лингвисты.

Гаршин вновь начал подремывать, очевидно, все это он уже слышал от своего друга не раз, но остальным, особенно Марине, было в диковинку. Велемир Радомирович встал и начал расхаживать по комнате с бокалом в руке, роняя капли вина на персидский ковер.

– В настоящее время мы имеем более шести тысяч различных языков-культур. От самых известных, перечислять их не буду, до таких, о которых мало кто вообще слышал, например, мао-яо или малалаям. А ведь и они тоже составляют отдельные ветви на могучем генеалогическом древе. Ствол же его – это главные языковые семьи – индоевропейская, семито-хамитская, кавказская, тюркская, финно-угорская, китайско-тибетская и некоторые другие. Всего тринадцать. Да еще мертвые языки. Кроме латыни и санскрита их целая куча. А как хорошо все начиналось!.. Один праязык и одно человечество. Но мир, как показывает история, все время разделяется сам в себе и постоянно дробится. Но, может быть, когда Господь в последний раз вразумит людей и этот процесс вдруг остановится, то к нам вернется и искомый праязык?

– А что если создать новый язык для человечества? – предложил Вадим.

– Да такие попытки были, и еще будет масса! – откликнулся Велемир Радомирович. – На протяжении многих веков в научной и околонучной среде, в художественной литературе, филологии, языкознании, футурологии, лингвистике и даже геополитике самым активным образом шло

и продолжает идти обсуждение мирового языка в будущем человечества. Один из предлагаемых путей – принятие в качестве мирового какого-либо мертвого языка – латыни, древнегреческого, санскрита. Второй путь – естественный отбор одного из мировых национальных языков, чаще всего это английский. Или же, третий путь, создание искусственного языка. Лингвопроектирование. Но это утопия. А ведь искусственных языков, сконструированных целенаправленно, уже более тысячи, и постоянно создаются все новые и новые.

– Эсперанто, – подсказал Вадим.

– Масса, говорю же вам! – повторил хозяин квартиры. – Еще в античности, где весьма интересовались проблемами идеального общества и единого для него языка, понимали желательность оградить «избранную нацию» и ее культуру от языка варваров. Любопытное напрашивается сравнение с сегодняшним «цивилизованным миром», представляющим собой «золотой миллиард», – и «прочим отребьем». Утопические мечты, возможно, в скором времени и сбудутся. К этому идет.

Он подлил в бокалы чилийского вина, чокнулся со всеми и продолжил:

– В этой связи интересен не полностью дошедший до нас трактат стоика Ямбулоса. В нем описываются жители одного из островов, которые обладали весьма забавной особенностью. Они имели раздвоенный язык, то есть два языка, и могли вести сразу два разговора. Для «посвященных» и для простых людей. Причем умели производить огромное количество самых разных звуков. А чтобы оценить эту способность, попытайтесь правильно произнести звуки бушменских языков, произносимых на вдохе и на выдохе. Теория эта и сама по себе интересна: один резонатор – рот и нос, два активных органа – языки, и один мозг, обладающий способностью к двум параллельным речемыслительным процессам.

– Может быть, у них и еще что-то было в двойном разрезе? – игриво-простодушно спросила

Марина, но Велемир Радомирович ее вопрос проигнорировал, а Вадим на невесту даже шикнул.

— В эпоху Средневековья вопрос общего языка был решен практически, во всяком случае, для образованной части общества. Им стала латынь. Но, как свидетельствует история лингвопроектирования, подавляющее большинство авторов лингвопроектов стремились и стремятся к максимальному упрощению грамматической системы своих творений. Я вас не слишком утомляю?

— А тебя все равно уже не остановишь, — ответил очнувшийся следователь. — Ты еще в школе заговаривал учителей до смерти.

— Ну ты уж скажешь!.. В общей сложности в XVII веке в Европе появился 41 проект искусственных всеобщих языков разного типа. Среди авторов — такие великие умы прошлого, как Декарт, Коменский, Ньютон, Лейбниц и ряд других не менее известных персон. Логично предположить, что в ученой среде тогдашней Европы господствовала некая лингвофилософская парадигма, основания которой были заложены еще в Средневековье, оживленная духом Ренессанса с его интересами к вопросам языков и культур.

Помолчав, Велемир Радомирович, пошел дальше:

— Искусственные языки созданы воспаленным разумом. В известном романе Оруэлла «1984» речь идет о методах «промывания мозгов», о конгломерате психологических и языковых «технологий», которые могут быть применены и в настоящее время и, впрочем, довольно успешно применяются. Я имею в виду нейролингвистическое программирование, и не только его... А первым проектом по образцу живого языка был «универсалглот», созданный в 1868 году в Париже Жаном Пирро. Имя этого человека и его «детище» сегодня почти забыто, хотя он предвосхитил многие детали позднейших проектов и, по сути, является первым разработчиком искусственных языков. Подобных «шуток» в Истории много.

Чилийское вино кончилось, Велемир Радомирович достал аргентинское.

— Волапюк, эсперанто, идо, бейсик-инглиш, с долей иронии можно упомянуть и суржик, этакую помесь русского с мовой, хохлацкого с мо-скальским, но это уж, скорее, для «домашнего пользования», для «спора славян между собою». Но если серьезно, то Россия также внесла свой вклад в эти проекты. Еще при Екатерине II была создана Комиссия для изучения мировых языков с целью выработки единого универсального языка. А на Втором конгрессе Первого интернационала в 1867 году по инициативе российской фракции была принята резолюция, в которой значилось, что конгресс считает всеобщий язык благом и что он содействовал бы единению народов и братству наций.

— В гробу мы видели это братство наци», — промолвила Марина.

— В истории лингвопроектирования есть любопытный факт — музыкальный язык сольресоль, представленный Сюдором в 1827 году в Париже и получивший ряд восторженных откликов современников и различных наград. Фактически это была целая философская классификационная система, но с необычным способом выражения. Формой выражения служили семь нот. Например, «до-ре-до» — это время, «до-ре-ми» — день, «до-ре-фа» — неделя, «до-ре-соль» — месяц и так далее.

Велемир Радомирович остановился, задумавшись вдруг, а не выглядит ли он сейчас в глазах этих молодых людей и своего друга Гаршина как тот же Феррапонтов из Юрьевца? Когда он сам три дня назад с изумлением и раздражением взирал на него, слушая болтовню «патриарха»?

В это время у Вадима зазвонил сотовый телефон. Именно в эту ночь в Европе произошло еще одно очередное наводнение. Вот по этому поводу и звонила его мать. Она застряла где-то на границе Германии с Францией, в городке Вендель, никак не могла выбраться. Дороги размыты, до ближай-

шого аэропорта не доехать, да и вряд ли взлетно-посадочные полосы находятся в нормальном состоянии. Так что скоро не жди.

— А я вот в Юрьевец собрался махнуть, в такой же российский Вендель, где ты сейчас, — сообщил сын, — с Мариной. Заодно Катю проведем.

Поговорив еще немного, он отключил мобильник.

— Вендель... — механически повторил Велемир Радомирович, задумавшись о чем-то. Потом произнес:

— Вот что, Вадим. Можете вы перезвонить маме и попросить ее об одной услуге для меня?

— Легко.

— Скажете, что ваш клиент в этом заинтересован.

— Конечно. Сейчас у нас пять, а Германии семь. А что сделать-то?

— Пустяк. Пусть она выйдет на улицу Бергбердштрассе, найдет дом двадцать один и спросит у привратника под любым предлогом, не уехала ли куда Ирина Штамп? Всего одно: дома она или нет? Это очень важно.

— Разумно, решит одну из проблем, — одобрил следователь.

Вадим начал перезванивать и объяснять суть дела. Велемир Радомирович тем временем ушел на кухню готовить завтрак, а отец с сыном сели играть в шахматы. Марина же включила телевизор и стала шелкать программы. Через некоторое время хозяин вкатил в комнату столик на колесиках, на котором расположились огромная сковорода с яичницей, бекон, хлеб, масло, сыр «дор блю», кофе, сливки, липовый мед и две бутылки «боржом».

— А сейчас уже утро, — сказала Марина. — Пятое июля наступило как-то незаметно.

— Да? — удивился Велемир Радомирович и, отодвинув шторы, выглянул в окно. А рассвет, будто только и ждал этого, хлынув в комнату. — А ведь и правда...

Яркий солнечный свет почему-то раздражал хозяина квартиры, поэтому он опять задвинул шторы.

— Предчувствие объединительного языка, безусловно, есть, оно витает в воздухе, — сказал Велемир Радомирович, посмотрев на часы. — Для того собираются разные международные конгрессы, встречаются специалисты, чтобы обсудить, как возводить это новое языковое здание? Очень напоминающее, на мой взгляд, очередную затею с Вавилонской башней...

Он потянулся за вином, но Гаршин остановил его коротким словом:

— Хватит!

— И то верно. В Юрьевце еще успеем напиться. Без этого там нельзя. Слишком много проблем, которые на трезвую голову не разрешить. Тогда скажу вот что. У нашего таинственного соотечественника Платона Лукашевича не было тех данных, которые добыты сейчас археологией, историей, лингвистикой и другими отраслями знаний. Но все же, благодаря выведению общих законов поисков Праязыка, он смог пройти очень далеко. За полвека обработал материал, с которым вряд ли имел дело какой-либо лингвист или даже целая академия. И Господь дал ему вещице знания и поверил пророческие слова. А суть его открытия такова. Вся историю человечества сопровождало, и в большой степени определяло, явление, названное Лукашевичем «чаромутие». Что значит речесмещение, смешение языков.

— Что за чаромутина такая? — спросила Марина, поморщившись.

— А вот что. Первобытный язык долго хранился у жрецов для руководства к чаромутному и составлял их нерушимую тайну, и даже таинство. Секрет жреческой методологии в создании различных языковых структур, концепций, выражаемых тем или иным вероисповеданием или «эзотерической системой», или собственно искусственных языков. Что это означает? И в чем тайный смысл этого?

В созидательном применении это, конечно, наука. Но в злонамеренном приложении искусственный язык навязывает нам некую картину мира, которая подается и воспринимается человеком как «объективная», и это есть игра, в которой побеждают не игроки, а ее создатели... Наконец, применение, скажем «знаний предков» может быть благонамеренным, но вера в исключительную силу этого «знания», некой системы, то есть в пределе данного искусственного языка, который задает картину мира, делает такого «собираателя знаний предков» попросту оглашенным, эгрегором, идолом.

Велемир Радомирович все-таки улучил момент, когда Марк Иванович отвернется, и залпом выпил бокал вина. После чего с новыми силами продолжил:

— Вот и носится человек с этими знаниями, как с писаной торбой, и даже безо всяких «тайных правителей» становится игроком, возможно, интереснейшей и даже «правильной», «доброй» игры, но одновременно и фигурой.

Гаршин взял со стола бутылку и унес на кухню. От греха подальше.

— Нарисуем такую картину, — усмехнулся на это Велемир Радомирович. — Существует, живет единый язык человечества. И вдруг некто говорит: «А давайте-ка мы слепим из него другой». И начинается все невинно: вот слова стали на себя не похожи, язык вроде бы как другой, но все связи остались. Дальше — больше. А давай-ка я придумаю для него буквы особые. И вот еще сильнее меняется написание и произношение. Начинают утрачиваться взаимосвязи слов, взаимосвязи понятий, целостная множественность значений и смыслов. И, главное, вкладывается намерение жрецов, создающих данный язык. А если жрецы имеют в виду завоевание мира? Стяжание материальное и знанческое? Непреходящее власти одних над другими? Деление людей по признаку владения «священным знанием»?

Все будет в языке, в понятиях и их взаимосвязях, в их цепочках, в «философическом строении речи», «разуме народа» или в «разуме слова», по Лукашевичу. Это, в принципе, и есть современное нейролингвистическое программирование. И главное, что из живущего и дышащего язык превращается в мертвый, искусственный. И понять это, находясь внутри искусственного языка, формальными методами, попросту невозможно, как невозможно выиграть в игре у создателя ее правил.

— Вы же спец в этой области, значит, тоже вольно или невольно принимаете в этом участие, — с неодобрением произнес Вадим.

— Жрец, — добавила Марина, но с каким-то уважительным оттенком в голосе.

— Нет, я просто опытный исследователь и аналитик в этом вопросе, — не согласился Толбуев. — Скажу так. В жизни языки не смешиваются. Праязык уходит все более в подсознание всех народов, а связи его с надстройками, собственно «языками народов», становятся все более жесткими или вовсе рвутся — это и есть чаромутие «по Лукашевичу». Все люди по-прежнему говорят на одном и том же языке, в разной степени испорченном по сравнению с первоначальным состоянием. И в разной степени и в разные стороны от первоначального состояния развитом. Языки также и не соединяются, всегда один язык поглощает другой. Сегодня, это мое мнение, вопрос стоит так: либо живой язык воспрянет и включит в себя искусственные, либо искусственные языки зажмут и заморозят его до смерти, а вместе с тем погибнет и человечество.

— Вот это уже понятней, — сказала Марина.

— И это тоже нейролингвистика. Ее тайные законы и правила.

— Стало быть, вы там «свой среди чужих»? — спросила Марина.

— Ну, примерно так. Разведчик в стане врагов. Не все на Руси караси... Но именно поэтому Лукашевич был объявлен сумасшедшим. А то, что его работы до сих пор скрываются, — вернейший показатель как продажности жрецов от науки, так

и того, что он был на верном пути. Лукашевич развил и серьезно обосновал свое открытие, которое наносит сильнейший удар по нелепому, но общепринятому взгляду на историю и язык.

На этой ноте у Вадима зазвонил сотовый телефон. Юрист поспешно подключился к абоненту. А выслушав, сказал:

– Спасибо, мама. Жду домой.

Потом оглядел присутствующих и сообщил:

– Ваша Ирина Штамп там больше не проживает. Уехала неизвестно куда еще тринадцать лет назад, после смерти мужа.

– Любопытно, – ограничился коротким словом Гаршин.

– А мне вот что странно, – произнес Велемир Радомирович. – Тринадцать лет назад в Кармадонском ущелье погибла моя жена. И в это же время умирает муж ее сестры. А сама она исчезает с горизонта.

– Пора ехать в Юрьевец, – заключил следователь, – время не ждет. ■